

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

МЕДВЕЖЬЕ СОЛНЦЕ
ТЕМНОЕ НАСЛЕДИЕ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Иллюстрации в тексте *Анны Ларюшиной и Вероники Акулич*
Иллюстрация на обложке *Алины Липиной и Евгении Козиной*
Иллюстрации на форзацах *Алины Липиной*

Котова, Ирина Владимировна.

К73 Королевская кровь. Медвежье солнце; Темное наследие /
Ирина Котова. — Москва : Эксмо, 2023. — 816 с. : ил.

ISBN 978-5-04-180394-0

Не всем в Бермонте по душе слишком вольный нрав будущей королевы. В стране медведей-оборотней сильны традиции, и женщина должна знать свое место, даже если она дочь Красного воина.

И пусть тревожат душу странные предсказания шамана, Полина Рудлог никогда не откажется быть рядом с любимым. Но что случится, если загнать ее в угол? Потухнет ее искра — или разгорится, став для Бермонта настоящим солнцем?

Медвежьим солнцем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180394-0

© Котова И., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

МЕДВЕЖЬЕ СОЛНЦЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Конец ноября, Блатория

На маленькой сейсмологической станции в горах на севере Блатории, возле самой границы с Бермонтом, царило привычное этому месту сонное оцепенение. Солнце только-только поднялось из-за низкого «седла» — перевала между двумя пиками, — и ослепительно-белым и розовым блестел снег, а тени от вершин, скользящие по склонам и густеющие в лощинах, казались сочными, темно-фиолетовыми, как будто на мерзлое белоснежное одеяло щедро плеснули черничного сока.

Двое пожилых сотрудников станции, пришедшие в горы еще молодыми парнями, да так и не сумевшие уйти от этой красоты, попивали традиционный сладкий чай с обязательной доброй долей ягодной настойки и тихо обсуждали планы на выходные. Они были удивительно похожи, хотя один был блаторийцем, темным, кареглазым, а второй — типичным инляндцем, рыжим, с голубыми глазами. Но тридцать лет горного солнца высветлили их глаза и волосы, собрали морщинами кожу у глаз, выкрасили лица кирпичным загаром, и походка у них была одинаковая — лыжная, расслабленная, — и стать, и фигуры, подтянутые, с широкими плечами и узкими бедрами. И звали их похоже — Ёльрих и Гёнрих, — и женились они на сестрах: горы сплели их судьбы, сделав не только друзьями, но и родственниками. И так они сработались, что говорить им много теперь не нужно было — понимали друг друга с полуслова. Но все равно говорили. Уже и внуки пошли, и дети разъехались, а они каждое утро тридцать один год подряд начинали с подъема к станции из маленького городка у подножия горы, там заваривали себе чай и вели разговоры обо всем на свете — от дел семейных до полетов в философские высоты. Не забывая при этом отмечать показания приборов и присматривать по собственной инициативе за склонами: не накопилось ли где-то чересчур много снега, который может сойти лавиной на их городок, не пора ли вооружиться ракетницей, проехаться по скрипучему белоснежному покрову и сбить зарождающийся снежный рыхлый нарост.

Старший по станции, Ульрих Кенгшпитцен, обладал уникальным чутьем: он предвидел изменения погоды, готовые сорваться лавины, трещины в ледниках и предчувствовал землетрясения. Вот и сегодня Ульрих с самого утра тревожился: грудь давило, в ушах стоял звон — явственные признаки грядущего бедствия. К сожалению, звон в ушах не приложишь к протоколу объявленной тревоги, поэтому приходилось ждать показаний сейсмодатчика. Зато в их городке все знали: если старина Ёли мрачен, а глаз у него налит кровью — жди толчков. Примета была такой же верной, как цветение ольхи, после которого холодов уж не бывало.

Двумя километрами левее и ниже от станции находился оживленный горнолыжный курорт, один из тех, которыми так славилась Блатория, и перед выходными уже начали массово прибывать люди — из окошка хорошо была видна россыпь мелких фигурок в ярких куртках и шапках, что высаживались из фуникулера и ручейком тянулись к административному зданию. К вечеру склон осветится огнями, и тысячи людей будут испытывать себя на спусках. Тысячи таких же влюбленных в горы, как сами сейсмологи.

Ульрих поморщился — звон в ушах стал нестерпимым, — и тут же дрогнула гора, загудело, завывло вокруг, заверещал сейсмограф, вырисовывая на ленте резкую вертикальную черту, и пошел плясать дальше, расчерчивая график в виде затухающего треугольника.

— Пять баллов, не меньше! — возбужденно крикнул старший по станции, добравшись до ленты. В первые-то секунды они с Генри на ногах не устояли, а друг еще и ухитрился опрокинуть на себя кружку с чаем и теперь морщился, задрал штанину и поливая покрасневшую кожу спреем от ожогов. Станцию снова потряхивало — шли остаточные толчки, а Ульрих уже набирал тревожный номер и диктовал в трубку.

— Красная тревога, красная тревога! Опасность схода лавин! Произошло землетрясение, мощность не менее пяти баллов. Закрывайте трассы, эвакуируйте людей, высокая вероятность повторных толчков!

— Ули, смотри-ка. — Обожженный напарник недоуменно чесал рыжую бороду, глядя в окно. Маленькая станция снова стала подрагивать, и он ухватился за подоконник. — Я такого еще не видел. Что это?

— Оптический обман? — неуверенно предположил старший, глядя на странное явление метрах в ста пятидесяти от строения. Генри взял фотоаппарат, начал увлеченно щелкать. Там, в густой тени, над бегущими вниз ручейками потревоженного снега раздувалась прозрачная радужная сфера высотой в четыре человеческих роста — создавалось впечатление, что кто-то дует в невидимую трубочку и выдувает огром-

ный пузырь, начинающийся с перламутровой воронки и уходящий в склон горы.

— Не похоже, — возразил его друг, забыв и про ошпаренную ногу, и про толчки, все еще ощущающиеся слабым эхом под ногами. Он просматривал отснятое — а сфера все увеличивалась, пока «воронка» не дрогнула и не распалась несколькими «лепестками», придав явлению сходство с огромным прозрачным подснежником. — Слушай, Ули, пойду-ка я посмотрю, что за диво.

— Снег неустойчивый, — больше для порядка возразил начальник, — не надо бы.

Хотя ему и самому было любопытно. Лавина станции не грозила — здание стояло на широком каменном уступе, да и место было не лавиноопасное.

— Ладно, — отмахнулся Генрих, натягивая лыжные ботинки, — снегоход пройдет.

Прозрачный «цветок» уже перестал расти и только подрагивал. Внутри его колыхалась какая-то муть, будто серый туман едва шевелил ветерок.

Ульрих глядел из окна в бинокль на своего товарища, медленно поднимающегося к странной сфере. Потом они еще обязательно посмотрят на запись камер наружного наблюдения — любопытно же, как она появлялась. Не забывал главный по станции и про приборы, но тут все было привычно и отработано до автоматизма. Земля периодически вздыхала и ранее — собственно, для этого и была поставлена станция.

Генри остановился почти у сферы, достал фотоаппарат.

— Это что-то невероятное, Ули. Чудо какое-то, — прогудел голос напарника в наушнике. В бинокль старший видел, как тот снял перчатки, поднял очки. — Надо бы сообщить в МагКонтроль, как думаешь?

Голос его в наушнике был трескучим, пропадающим — геомагнитные колебания всегда добавляли лишние шумы в эфир.

— Что ты видишь?

— Внутри туман какой-то, как сквозь запыленное стекло смотришь. Двигается что-то, Ули.

Нюх у начальника станции всегда был на высоте, и в голове снова зазвенело, предупреждая об опасности.

— Уходи оттуда, Генри! — напряженно потребовал он в микрофон. — Немедленно!

— Да подожди, — недоуменно и весело отозвался друг, — сейчас я.

Инляндец увлеченно щелкал фотоаппаратом, заходя спиной к солнцу и отдаляясь от снегохода.

— Уходи, кому сказал!

— Иду, иду, — пробурчал товарищ, повернулся спиной к «цветку» и побрел к снегоходу, на ходу отсматривая кадры. Ульрих опустил бинокль, присмотрелся, нахмурился. Поднял его и выругался.

— Бегом, Генри! Там какая-то хрень лезет! Бегом!

Генрих оглянулся, замер на мгновение — и помчался, ловко перебирая ногами по начавшему осыпаться снегу. До снегохода оставалось метров пять, когда из бывшего «пузыря» полностью показалось *это* — чудовищное насекомое с узким длинным хоботком, напоминающим утиный клюв. Это мог бы быть паук или водомерка, если бы только пауки могли быть такими огромными, иметь круглое бутристое тело, много глаз на башке и «клюв».

Заревел снегоход. Чудовище, пробуящее хоботком снег, подняло голову, присело, поджав ноги, и вдруг прыгнуло — опустившись аккумулятор на то место, где мгновение назад стоял горный транспорт. Старший снова бросился к телефону.

— Тревога, тревога! Нужна помощь магов. Здесь чудовище, похожее на паука, нужна помощь, нужна помощь!!!

— Ули, ты упился там, что ли? — раздался насмешливый голос оператора.

— Да!!! — выругался блакориец, наблюдая, как по склону несется снегоход, а за ним прыжками двигается гигантский клювастый паук, скользит по снегу, катится кубарем, снова встает, оглушенно тряся башкой. — Я трезв как стеклышко! Тварь пытается сейчас раздавить Генри! Мать твою, Оливер, если ты не передашь информацию, я тебе шею сломаю!

— Спокойно, Ули, — уже серьезнее ответил оператор. — Записываю. Еще раз, давай диктуй.

Огромная тварь припала на передние лапы; хоботок как-то вытянулся, потом сжался, как пружина, — и плюнул длинной толстой нитью, врезавшейся в снегоход. Машина дернулась назад, Генрих полетел кувырком, матерясь в микрофон, поднялся и резво побежал к зданию — оставалось уже совсем недалеко. Паучище тоже приближался, и чем ближе, тем невероятнее казались его размеры — с три кабинки от фуникулера, не меньше. Если прыгнет на станцию, мало что останется.

— Увидели огромный радужный пузырь, будто из стекла, сразу после землетрясения, — торопливо говорил Ульрих, вытаскивая из снаряжения толстенную трубку, ракетницу для сбивания лавин. — Генри поехал посмотреть, что там такое. Когда подъехал, оттуда вылезло чу-

довище. Похоже на паука, только огромного. — Он ногой открыл дверь, прицелился: тварь как раз прыгнула, и снизу было хорошо видно ее блестящее хитиновое брюхо. Друг что-то орал на бегу, но Ули не слушал, а тщательно выцеливал, понимая, что второго шанса не будет. — Сейчас пытается раздавить Генри. Будем в подвале. Быстро предупреди, иначе он пообедает нами и пойдет в город или к курорту.

Щелкнул курок. Ракетница с гулом вылетела из ствола, врезалась в блестящее брюхо — паук завопил, задержав в воздухе лапами, тяжело рухнул вниз и закрутился на месте, оттирая рану о снег. Товарищ забежал в дверь: лицо его было белое-белое, несмотря на многолетний загар.

— В подвал, — скомандовал старший, захлопывая дверь. Паук уже снова припадал на передние лапы, готовясь плюнуть, и буквально через пару секунд после закрытия в дверь гулко ударило снаружи, да так, что она затрещала. Мужчины, похватав рации, маячки, спустились в подвал, задраили его.

— Ульрих, Ульрих, прием, — затрещало в микрофоне, — сигнал передан, держитесь.

— Держимся. — Напарники поглядывали друг на друга в тусклом свете единственной лампочки. — Поскорее бы... святые угодники!!!

На домик обрушился удар — замигал свет, погас, сверху заскрипело, с грохотом посыпалось.

— ...Поскорее! Иначе сейчас пойдет к вам!

Через пять минут после передачи сигнала в городке у подножия горы появился отряд боевых магов из подразделения оперативного реагирования. Жители городка спешно баррикадировались в подвалах, хотя земля еще подрагивала и высока была опасность повторных сильных толчков. Чудовищный паук прыжками спускался к поселению — на подходе его и «приняли», накрыв стазисом и вморозив в ледяную глыбу. И до конца дня к сверкающей глыбе — пока решался вопрос о том, что с ней делать, — шли горожане и любопытствующие туристы. Выглядывали издали, из-за оцепления, пытаясь рассмотреть что-то за толщей мутного льда, взволнованно переговаривались, строили версии, что произошло и кто это там заморожен. Оператор Оливер на все вопросы отмалчивался и глубокомысленно, таинственно хмыкал.

Сейсмологов откопали из-под завалов бывшей станции, осмотрели на предмет повреждений и, не дав очухаться, провели допрос, изъяв съемки камер наблюдения и фотоматериалы. И отправили пострадавших во внеплановый отпуск с пожеланием не распространяться о произошедшем. Вокруг чудовищного экспоната был оперативно

выстроен ангар, и туда через несколько дней лично в сопровождении ученых и магов прибыл его величество Пюнтер. Осмотрел — почти весь лед уже срезали, оставив только прозрачный параллелепипед, — задумчиво покачал головой и разослал приглашения коллегам-монархам на внеплановый Королевский совет. В Блакории это был первый случай появления подобной твари.

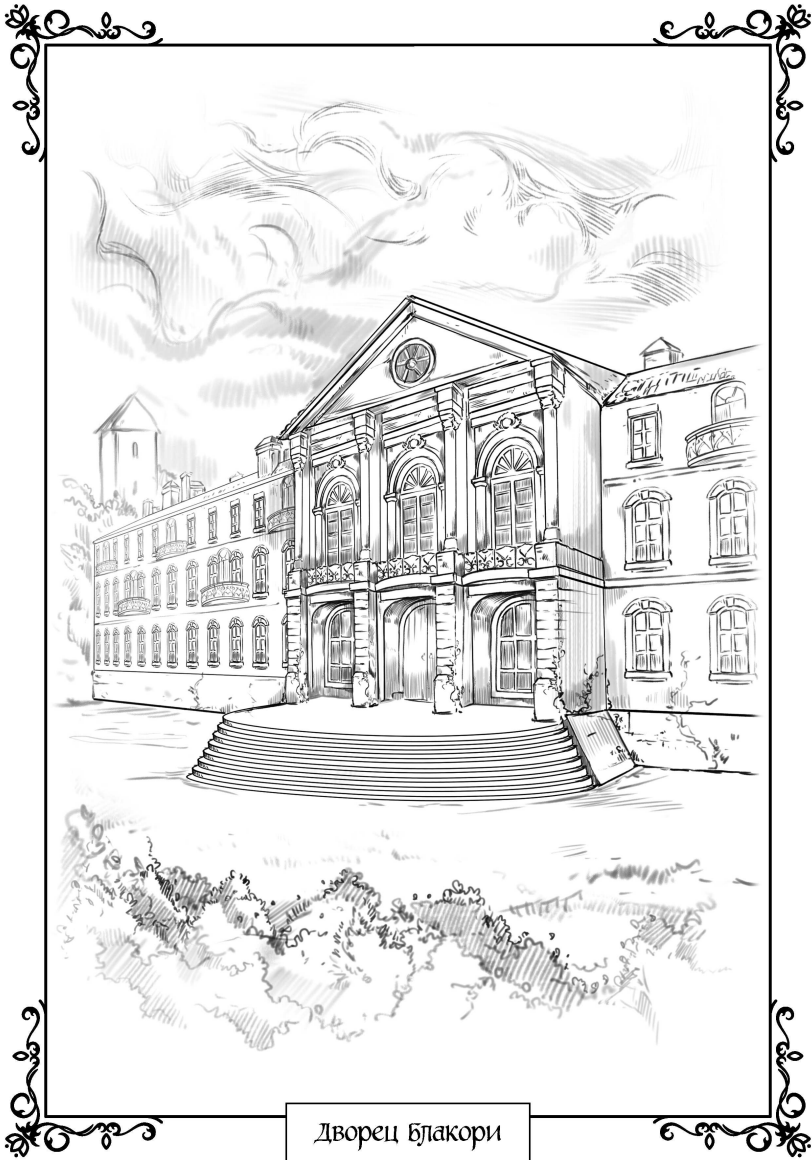
26 ноября, суббота, столица Блакории Рибенштадт
Василина

Блакорийский дворец Пюнтера всегда напоминал Василине добротный приземистый дом, построенный широкой буквой «П» и обнесенный высокой стеной с башнями. Только очень-очень большой дом, размером с маленький поселок. В принципе, весь Рибенштадт был таким — приземистым и укрепленным. Резиденция блакорийских монархов — сложенная из серого камня, с треугольной крышей над главным входом и покатыми, ребристыми покрытиями на длинных крыльях строения (чтобы обильной зимой снег сам съезжал вниз), с толстыми трубами, покрытая у фундамента пятнами мха, ныне черного от мороза, увитая кое-где лозой — была очень живописна, хоть и напоминала огромный дом лавочника, а не королевский дворец.

Но Пюнтер относился к месту обитания своих предков со всем возможным трепетом: осовременивать его снаружи не разрешал, да и внутри переделки были минимальны — только чтобы достичь необходимого комфорта.

Так что высокие гости короля Блакории, приглашенные на внеочередной Королевский совет, сидели сейчас в небольшом зале с низкими потолками и широкими окнами и могли любоваться на белые от снега крыши противоположного крыла. За окном было ясно, снег так и блистал и настроение создавал праздничное, солнечное. Мебель в помещении была старинной, массивной, и кресла, покрытые мягкими шкурами, были такие, что даже десять человек не подняли бы — будто вырезанные из цельных толстенных дубов. Они будто бы приросли к полу, эти кресла, настолько старыми они казались. Горел большой камин, на полу лежали тонкие шкуры, а стены между узкими коврами были расписаны сценками охоты, уже поблекшими. Все выглядело очень просто и значимо — Пюнтер показывал свое радушие, принимая коллег не в официальной обстановке, а в старой части замка Блакори.

Василина пришла по срочному вызову блакорийского монарха из Лесовины, и сейчас монархи ждали только царицу Иппоталию. Нако-

Дворец Блакори

нец появилась и она, чарующе улыбнулась мужчинам, вставшим при ее появлении, расцеловала Василину и села в свободное кресло. Все выжидающе поглядели на нее.

— Что, — улыбнулась царица лукаво, — у всех разведка сработала на отлично? Так, может, вы и расскажете? Дорогой император?

— Мои люди не смогли пока проникнуть в Пески, — мелодично, но с явной неохотой сообщил император, — поэтому вся надежда на тебя, сестра.

Его лицо было совершенно каменным, но разочарование человека, имеющего лучшую разведку в мире, угадывалось легко. Понтер усмехнулся этому разочарованию и подмигнул Иппоталии.

— Ты нас обскакала, Тали, так что рассказывай.

— Прошу, Иппоталия, — сухо и строго добавил Демьян Бермонт, — повестка дня у нас совсем другая, и я рассчитывал на определенное время.

— Да, Демьян, — ласково сказала царица и улыбнулась ему. И губы Бермонта дрогнули на мгновение в ответной улыбке. Василина восхитилась про себя — ей бы так управляться с окружающими. Она все еще чувствовала себя неловко среди более опытных коллег, однако никогда не показала бы этого.

Всем не терпелось узнать новости, и один лишь эмир Тайтаны сидел с полуулыбкой, благоухая духами, блистая кольцами и золотым поясом, и выглядел так, будто готов просидеть здесь вечность.

— Так получилось, — начала царица уже деловым тоном, выдержав необходимую паузу, — что ко мне прилетел один из драконов Песков. По личному вопросу.

— Это по какому личному вопросу? — перебил ее блакорийский монарх. Талия укоризненно посмотрела на него и покачала головой. Все сделали вид, что ничего не заметили.

— И отнес меня в Пески, — продолжила царица. — По сути, жизнь кипит только на крошечном пространстве среди безжизненной пустыни. Жив один город, Истаил, в нем много людей. Управляет городом Владыка Нории Валлерудиан. Мне был оказан самый лучший прием. Владыка адекватный, хотя понятия и манеры у него несколько архаичные, готов к сотрудничеству со всеми странами. Насколько я поняла, они налаживают контакты с Руддогом. — Она посмотрела на Василину, и королева кивнула под заинтересованными взглядами коллег. — Родовая сила у него очень мощная, он управляет и Жизнью, и Водой и равен нам. Поэтому считаю возможным рекомендовать его приглашение на следующий Королевский совет. Выгоды каждый может просчитать для себя. Что вы скажете?

— Я поддерживаю, — сказала Василина. Остальные молчали, раздумывали. — Я общалась с младшим братом Владыки, и он произвел на меня самое благоприятное впечатление.

— Они похитили твою сестру, Василина, — занудно напомнил Луциус Инландер. — Несмотря на то что он брат мне по отцу, методы меня настораживают.

— Это недоразумение разрешилось, как вам всем известно, — спокойно пояснила королева Рудлога, — я приняла их доводы, хоть мы пережили весьма неприятный период. Сестра утверждает, что к ней относились со всем почтением. Более того, она решила участвовать в восстановлении отношений Рудлога и Песков. Полагаю, если бы у нее имелась хотя бы тень недовольства, она бы не была столь заинтересована в диалоге.

— Я поддерживаю, — весомо высказался Хань Ши и для пущей значимости сложил руки в рукава халата. — Драконы издревле почитались в Йеллоувине как дарители жизни, и я счастлив, что легенды оказались правдой.

Эмир Персий лениво шевельнул пальцами.

— Рад, братья мои и сестры, такому единодушию. Как я могу быть против? Мы уже ведем с ними торговлю, и это очень выгодно для Тайтаны.

Он закончил и оглядел всех с превосходством. Монархи вежливо улыбались конкуренту.

— Да-да, конечно, — любезно проговорил Понтер. — Демьян? Бермонт покачал головой.

— Я бы предпочел иметь больше информации, поэтому я против. Предлагаю перенести решение.

— Соглашусь с Демьяном, — сухо поддержал его Инландер. — Новый политический игрок, которого мы, в принципе, не знаем. Подождем год и решим тогда.

— А я за, — весело сказал Понтер, — мне достаточно слова Тали. И твоего, Василина. И, конечно, твоего, дорогой эмир.

Персий величественно кивнул и прикрыл глаза. Похоже, он едва сдерживался, чтобы не зевнуть.

— Итак, — заключил Понтер, — большинство за. Значит, на следующий совет зовем дракона. К тебе, Демьян.

— Я помню, — ровно ответил Бермонт. — После свадьбы.

— Кстати, о свадьбах. — Все повернулись к заговорившему Луциусу. — В прессе об этом уже было, но я официально сообщаю вам, что помолвка герцога Дармоншира и Ангелины Рудлог подтверждена обеими сторонами. Я сильно рассчитываю, что затягивать ее не будут.

И он с прозрачной настойчивостью посмотрел на Василину.

— Это зависит от их решения, Луциус, — сдержанно сказала королева. Не говорить же, что она категорически против.

— Можно же форсировать его, сестра, — без обиняков высказался король Инляндии.

— Можно, — согласилась Василина, — но я не буду этого делать. Для нас тоже важен этот брак, Луциус, но одна поспешная свадьба